

Боспорское судопроизводство в эпоху правления Спартокидов: по материалам эпиграфики

Грибанов Д. В.

Грибанов Д. В. Боспорське судочинство в епоху правління Спартокидів: за матеріалами епіграфіки. Стаття присвячена проблемі боспорського судочинства, яка розглядається в контексті інформації, що міститься в *defixiones*. Аналіз цієї важливої категорії епіграфічних джерел дозволяє прийти до висновку, що боспорський суд підкорявся звичайним грецьким нормам судочинства. Основними принципами боспорського судочинства були відкритість суду і конкуренція сторін.

Ключові слова: Боспор, Спартокиди, суд, позивач, відповідач, свідок.

Грибанов Д. В. Боспорское судопроизводство в эпоху правления Спартокидов: по материалам эпиграфики. Статья посвящена проблеме боспорского судопроизводства, которая рассматривается в контексте информации, содержащейся в *defixiones*. Анализ этой важной категории эпиграфических источников позволяет прийти к выводу, что боспорский суд подчинялся общегреческим нормам судопроизводства. Основными принципами боспорского судопроизводства были открытость суда и состязательность сторон.

Ключевые слова: Боспор, Спартокиды, суд, истец, ответчик, свидетель.

Gribanov D. V. Bosporan legal proceedings in the period of Spartokids' rule: by the epigraphical data. This paper is devoted to the problem of Bosporan legal proceedings which is considered in the context of the information containing in *defixiones*. The analysis of this important type of epigraphical sources allows coming to conclusion that the Bosporan court submitted to the universal Greek standards of the legal proceedings. The openness of the court and the competitiveness of the litigants were the main principles of Bosporan legal proceedings.

Key words: Bosporos, Spartokids, trial, plaintiff, respondent, witness.

Судебные институты являлись важнейшим элементом греческой государственности и занимали исключительное место в социально-политической жизни полиса, причём, не только в Афинах, граждане которых были известны своей филодикией (*filodikja* – страсть к судяжничеству: Schol. ad Aristoph. Acham., 374), но и в таких отдалённых регионах ойкумены, как Северное Причерноморье [6, с. 237-258; о единстве греческого права см.: 32, р. 59-90; 23, р. 29-40]. Тем не менее, в исследовании традиций судопроизводства, существовавших в севернопонтийских полисах, ещё

достаточно белых пятен. В частности, слабо изученной остаётся организация судебной власти на Боспоре в спартокидовский период, хотя некоторые аспекты данной проблемы затрагивались в работах отечественных историков [1, с. 116-130; 4, с. 61-62; 9, с. 178]. Пожалуй, наиболее подробный анализ боспорского судопроизводства представлен в недавней статье М. В. Скржинской, посвящённой деятельности судебной власти в полисах Северного Причерноморья, но даже в ней основное внимание было уделено не Боспору, а Ольвии [11, с. 4-11]. Это легко объяснить относительной малочисленностью нарративных источников, содержащих информацию о деятельности суда в Боспорском государстве. Однако недостаток литературных источников может быть компенсирован за счёт более глубокого изучения эпиграфических документов, в частности магических наговоров против оппонента в суде (*defixiones*, **kat=desmo-**). Кроме того, необходимо отметить, что магические наговоры позволяют взглянуть на функционирование суда с позиции непосредственного участника процесса. Благодаря этому, данный тип источников, как и судебные речи афинских ораторов, лишён той субъективности, которая характерна для античных мыслителей, рассматривающих древнегреческое судопроизводство с точки зрения заранее избранной теоретической парадигмы, зачастую далёкой от исторической реальности [18, р. 33-46; 35, р. 97-111].

К эпохе правления Спартокидов принадлежит несколько боспорских надписей на свинцовых табличках, которые могут быть отнесены к разряду судебных наговоров. Впрочем, в современной историографии вопрос о количестве и значении этих документов для характеристики боспорского судопроизводства остаётся открытым. Так, С. Ю. Сапрыкин и В. Н. Зинько, предполагая судебное назначение как минимум пяти боспорских *defixiones*, приходят к заключению о том, что сходство этих надписей с аналогичными афинскими наговорами свидетельствует о сходстве судебной процедуры в Афинах и на Боспоре [10, с. 270]. С другой стороны, В. П. Яйленко в своём каталоге магических надписей Боспора только одно *defixio* безоговорочно относит к судебным, отмечая многочисленность подобных надписей в Афинах, и объясняя это количественное отличие тем, что на Боспоре суд вершила администрация Спартокидов [13, с. 479-480]. По его мнению, в Боспорском государстве «конфликты решались не столько по закону, сколько «по понятиям», как в нынешней советско-российской действительности» [13, с. 480]. Вопрос о том, какие из боспорских *defixiones* могут считаться судебными наговорами, будет рассмотрен нами отдельно, однако доводы В. П. Яйленко, основанные на сравнении количества подобных надписей, найденных на Боспоре и в Афинах, не кажутся нам убедительными, так как в данном отношении афинский пример не может являться определяющим. Большинство греческих *defixiones* судебного назначения

имеют афинское происхождение, в других полисах находки таких наговоров единичны [см.: 24, р. 116-150]. По оценкам К. Фэрона к классическому и эллинистическому периодам относятся 28 судебных наговоров из Афин, 5 из Ольвии (по мнению В. П. Яйленко – только 2-3 надписи [13, с. 479]), 4 из городов Сицилии, 2 из Мегар, по одному с Мелоса, Керкиры и из Эмпориона в Испании, а также два *defixiones* неизвестного происхождения [21, р. 30, п. 72; ср.: 25, р. 5-46, № 1, 5, 12, 14, 15, 22, 24 (Аттика), № 38-40 (Пидна), № 46 (Аретуза), № 48-50 (Лесбос), № 78 (Лилебей), № 83 (Локры Эпизефирские)]. Поэтому сравнительная малочисленность боспорских судебных наговоров не обязательно является следствием неразвитости судебной системы Боспора и замены традиционных судебных институтов «судом правителя» [ср.: 11, с. 10]. Скорее наоборот, обнаружение хотя бы одного *defixio* судебного назначения является важным показателем развития боспорского судопроизводства. Иначе следовало бы признать, что практически во всём греческом мире, за исключением Афин, судебные институты находились в зачаточном состоянии, а это было не так. Например, в соседней с Боспором Ольвии, вопреки мнению В. П. Яйленко, существовала достаточно развитая судебная система, о чём свидетельствуют данные археологии и эпиграфики [9, с. 178-179; 11, с. 4-11]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие из боспорских магических наговоров действительно были связаны с судебной процедурой и как они характеризуют боспорское судопроизводство?

К числу подобных документов принято относить *defixio*, которое в 1899 году было приобретено известным собирателем боспорских древностей А. В. Новиковым у керченского торговца антиквариатом Е. Запорожского, а ныне хранится в Эрмитаже [12, с. 68, прим. 2]. Текст наговора, представлявшего собой двухстрочную надпись, впервые опубликовал Е. М. Придик [8, с. 118, № 2]. Затем этот документ неоднократно переиздавался в различных собраниях греческих *defixiones* (13, с. 478-480, № 10; 15, № 90; 36, р. XVIII, п. 1; 37, S. 235, № 2). Вариант прочтения надписи, предложенный Е. М. Придиком, был принят всеми исследователями и не вызывает особых сомнений:

||erokl1a, Cabrjan, | toV- sundjko~

Гиерокла, Хабрия, | синдигов

Текст наговора составлен по традиционной форме подобных документов [3, с. 28 (там же ссылки на многочисленные примеры)]. Имена проклинаемых лиц перечисляются в *Acc. sing.*, а предполагаемый в таком случае управляющий глагол **katadlw** («связываю, проклинаю» – см.: LSJ, р. 889) опущен из-за лаконичности надписи [13, с. 479]. Единственная сложность, возникающая при переводе данного наговора – это точная трактовка термина **sundjko~**. Большинство исследователей, изучавших надпись из коллекции А. В. Новикова, переводят это слово как «адвокат, защитник в суде» [8, с. 118, № 2; 10, с. 269; 13, с. 479].

Значение «адвокат», как один из вариантов перевода данного термина, приведено в словаре Лидделла-Скотта (LSJ, р. 1703). Его можно встретить и в работах некоторых западных историков (хотя в научной литературе чаще упоминается синонимичный по значению термин **sun/goro~**: [34, р. 94-95]). Тем не менее, нам представляется более обоснованным мнение Э. В. Диля, который, комментируя боспорское *defixio*, предложил расширенную трактовку слова **sundjko~** – в значении «помощник в суде» [2, с. 50; ср.: 37, S. 235, № 2 (*Rechtsbeistand*)]. В пользу такого понимания свидетельствует и этимология данного слова (**sun + dikh** – «тот, кто помогает другому в судебном процессе» [16, р. 8]; ср. LSJ, р. 1703: *one who helps in a court of justice*), и специфика использования этого термина в греческом административно-юридическом лексиконе [14, р. 11-18; 19, р. 1582-1583; 26, S. 1331-1332]. В Афинах в IV в. до н.э. термин **sundjko~** применялся в нескольких значениях: 1) член судебной комиссии, создававшейся в ходе процедуры **graf\ paran3mnw** для оценки законности предложенного или уже принятого декрета (Dem. XX, 146; 152-153); 2) представитель коллегии магистратов, которая занималась разрешением имущественных споров, возникших после свержения 30 тиранов и восстановления демократии в 403 г. до н.э. (Lys. XVI, 7; XVII, 10; XVIII, 26; XIX, 32); 3) государственный посланник, участвующий в разрешении международного спора (Dem. XVIII, 134-135); 4) государственный обвинитель, выступающий в суде от имени полиса в тех делах, которые затрагивают интересы всей общины (Aesch. I, 19; 21); 5) помощник на судебном процессе по частному обвинению (And. I, 150; Dem. XXIII, 206; XXIX, 23; XXXII, 12; XXXIV, 12; XLI, 84; Is. IV, 3; Lys. XXX, 11; 14). Причём, в частном судебном процессе синдики могли выступать не только на стороне защиты, но и на стороне обвинения. Зачастую они являлись близкими друзьями или родственниками участника судебного процесса, принадлежали к той же филе или фиасу (And. I, 150; Dem. XXIII, 206; XXIX, 23). Фукидид отмечал, что одной из функций афинской гетерии в конце V в. до н.э. было совместное участие в суде (Thuc. VIII, 54, 4). При этом афинские законы запрещали оплачивать услуги синдигов, в идеале их деятельность должна была основываться на добровольных началах (Dem. XLVI, 26). Поэтому стоит согласиться с теми исследователями, которые при трактовке термина **sundjko~** отдают предпочтение не *terminus technicus* «адвокат», а более общему значению – «помощник в суде» [5, с. 201-202; 29, р. 31, 36; 30; 33, р. 152].

С учётом данного уточнения, текст наговора следует переводить следующим образом: «Проклинаю (связываю) Гиерокла, Хабрия, помощников в суде». Имя Гиерокл в боспорской ономастике больше не встречается, а имя Хабрий предположительно (сохранились только первые три буквы) восстанавливалось В. В. Латышевым в тексте пантикапейской эпиграфии, датированной им «не позднее 2-й половины IV в. до Р. Хр.» [7,

с. 45-46, № 12; КБН № 169 – в полном согласии с восстановлением и датировкой первоиздателя]. Учитывая хронологическую близость интересующих нас надписей и редкость имени Хабрий для боспорской ономастики, можно предположить, что в наговоре и эпитафии, которые были найдены в Керчи, речь идёт об одном и том же человеке.

В историографии высказывались разные мнения по поводу назначения данного наговора. Е. М. Придик, считал, что автор наговора либо «связывал» своих противников в будущем суде, либо проклинал судей и адвокатов (своих или оппонента) после неудачного исхода уже состоявшегося судебного процесса [8, с. 118]. Исследователи, обращавшиеся к анализу надписи после Е. М. Придика, исходили из «предупредительного» характера наговора [2, с. 50, прим. 5; 12, с. 68, прим. 2]. Следует отметить, что в современной историографии греческие «связывающие» наговоры судебного характера ассоциируются именно с начальным этапом процесса, когда стороны только готовились к выступлению в суде [20, р. 151, п. 9; 21, р. 15, 29, п. 67; 22, р. 115]. Этому подходу соответствует и точка зрения С. Ю. Сапрыкина и В. Н. Зинько, по мнению которых в пантикапейском *defixio* было «сокрыто обращение к судьям и адвокатам завершить разбирательство в пользу автора наговора» [10, с. 269]. Впрочем, В. П. Яйленко отверг это предположение, указав на неизбежно негативный характер подобных заклинаний [13, с. 479]. Вероятнее всего, данный наговор был составлен с целью получения преимущества над оппонентами в предстоящем судебном заседании. В научной литературе вплоть до последнего времени было распространено мнение о том, что магические приёмы, обычно, использовались стороной защиты, и только в том случае, если обвиняемый был неуверен в благоприятном для себя исходе судебного процесса [2, с. 48-49; 24, р. 118; ср. наговор против иска (*prāxi-*): 25, р. 21, № 78]. В связи с этим один из ведущих современных специалистов по истории греческой магии К. А. Фэрзон весьма образно называл таких участников судебного процесса, прибегавших к услугам чёрной магии, «вечными аутсайдерами» (*perennial underdogs*) [21, р. 20]. Однако в своей недавней статье он предложил иной подход, который не исключает использования магии и в рамках агрессивной судебной стратегии [22, р. 115-118]. В то же время, аргументы К. А. Фэрзона, подтверждающие использование связывающих заклинаний стороной обвинения, сводятся к особому типу судебных дел – политическим процессам в афинском суде, где ставки были столь высоки, что применение магии и истцом, и ответчиком не должно вызывать удивления. Поэтому осмелимся предположить, что Гиерокл и Хабрий, всё же являлись обвинителями, а автор наговора – ответчиком в судебном процессе, хотя настаивать именно на такой трактовке не станем, осознавая гипотетический характер любых подобных выводов. Упоминание в данном наговоре сразу двух обвинителей, а также синдиков, причём во множественном числе,

свидетельствует о том, что в судебный процесс могло быть вовлечено множество людей – не только непосредственные участники дела и их судебные помощники, но и свидетели, которые могли предоставить суду важные сведения по существу дела (15, № 87; 36, № 25, 65, 68, 94), родственники и друзья, чьё присутствие в дикастерии было продиктовано, в первую очередь, желанием оказать психологическую поддержку истцу или ответчику [5, с. 204-205, 239-240; 22, р. 111-112]. Кроме того, судьи, при вынесении вердикта, не только оценивали выступления всех участников процесса, в том числе синдиков и свидетелей, но и соизмеряли возможный приговор с представлениями о социальной справедливости и гуманизме, чему, конечно, благоприятствовало присутствие на судебном процессе родственников, которые, со свойственной грекам южной экспансивностью, взывали к жалости (Aesch. II, 179; Dem. XIX, 281; XXI, 99, 186; XXV, 84; XXXVII, 48; Нур. IV, 41; Lys. XXVII, 12). В этом смысле интересно замечание Э. В. Дилия, который указал на определённое сходство пантикапейского наговора из коллекции А. В. Новикова и ольвийского судебного *defixio*, «связывающего» противников по суду (*katadlw gl9ssa~ #ntidjkwv*), свидетелей оппонента (*martvrwn*), а также отдельно его четырёх сыновей и «всех других, кто вместе с ним» (*toV~ Âllou~ toV~ met~ a8to\$ p=nta~*) [2, с. 46, 50, 54]. Возможно, за безликими синдиками, упомянутыми в пантикапейском наговоре, скрывалась в действительности такая же разнородная «группа поддержки», которую афинские авторы называли *periesthk3te~* («стоящие вокруг» – Aristoph. Acharn., 915; Aesch. II, 5; III, 55-56; Dem. XVIII, 196; XIX, 309; XX, 165; Din. I, 66) [27, р. 183-189]. Следует отметить, что намёк на активную роль этих неформальных судебных объединений, содержится и в рассказе Полиэна о боспорских триерархах, которые, согласно сообщению античного автора, явились в суд в сопровождении своих родственников (Polyaen. VI, 9, 3, 12). Участие в судебном процессе такой «группы поддержки», безусловно, было следствием открытости суда, его теснейшей взаимосвязи с социально-политической жизнью полиса, что не вполне характерно для современного судопроизводства [17, р. 172-186].

Разумеется, принцип открытости суда, никак не согласуется с предположениями некоторых исследователей о том, что судебные решения принимались самими Спартокидами или их администрацией [13, с. 479-480; в несколько смягчённой форме – 11, с. 10]. Против такой оценки боспорского судопроизводства свидетельствует ещё одно *defixio*, которое можно отнести к разряду судебных наговоров. Это надпись на свинцовой пластине, которая была найдена в 1878 году в Керчи и некоторое время хранилась в коллекции И. К. Суручана. Надпись опубликовал Е. М. Придик и позднейшие исследователи опирались на сделанную им копию, так как местонахождение оригинала было неизвестно уже в начале XX века [8, с. 120]. Текст

надписи выполнен в три строки справа налево. Е. М. Придик смог прочитать лишь два слова во второй строчке: [k]akjsth Dionvs[ion]. Р. Вюнш уточнил это восстановление: [k]akjsth[n] Dionus[jou gl^ssan], отнеся надпись к концу III в. до н.э. [37, S. 236-237, № 5]. С. Ю. Сапрыкин и В. Н. Зинько отметили, что в начале надписи мог стоять или хотя бы подразумеваться (как в предыдущем defixio) глагол **katadlw** [10, с. 269]. С этим согласился В. П. Яйленко, дополняя список ««связываемых» частей тела», в соответствии с обычной формулой аттических defixiones, и восстанавливая надпись следующим образом: [katadlw ... yuc^n ka] | [k]akjsth[n] Dionus[jou gl^ssan ...] («связываю ... душу и препоганый язык Дионисия ...») [13, с. 480-481]. «Связывание» души и языка типично, в первую очередь, для судебных наговоров, целью которых было «обезоружить» оппонента, лишив его возможности влиять на судей [2, с. 40-56; 21, р. 15; 24, р. 118]. Поэтому следует согласиться с С. Ю. Сапрыкиным и В. Н. Зинько, классифицировавшим данную надпись в качестве судебного наговора.

В судебных наговорах V-IV вв. до н.э. обычно подвергались «связыванию» язык, душа, ум и дела, причём «связывание» языка производилось во всех случаях, когда уточнялись отдельные «части тела», а остальные компоненты, видимо, по желанию автора проклятия [2, с. 46; 15, № 49, 87; 25, р. 11-15, № 22, 38, 40; 36, № 66, 68, 88, 105, 107]. Это легко объяснить тем, что язык, то есть речь, рассматривалась в качестве основного «орудия» в суде. Известно, что афинские судьи выносили своё решение, оценивая не только аргументацию сторон, доказанность или недоказанность вины, но и добропорядочность, репутацию истца и ответчика, их социальное положение, возможные негативные последствия для родственников обвиняемого, в случае его осуждения, и даже фискальные интересы полиса [5, с. 249-259; 27, р. 112-123; 28, р. 41-74]. По этой причине судебный процесс фактически воспринимался в качестве ораторского агона, и значительную роль в благоприятном исходе для одной из сторон могла играть способность влиять на судей с помощью умелой риторики [31, р. 129-145]. Афинские судьи в Народном суде (гелизе) легко поддавались воздействию умелого оратора. Не случайно, Аристотель выделял риторические приёмы в отдельную категорию методов убеждения судей, которая по своей значимости, как минимум, не уступала свидетельским показаниям, клятвам, документам и законам (Rhet., 1355b35-39, 1375a23-24). Поэтому авторы судебных наговоров, если и прибегали к расширенной формуле проклятия, со связыванием отдельных «частей тела», то стремились в первую очередь «связать» язык своего противника [20, р. 151-152]. Это означало, что обе стороны – и истец, и ответчик – участвовали в конкурентной борьбе за расположение судей. Агональный характер подобных наговоров, был отмечен К. Фэрзоном, посвятившим изучению данного аспекта ранней греческой магии специальное исследование [21,

р. 15-17]. По его мнению, нацеленность судебных defixiones на ограничение вербальных и когнитивных способностей оппонента («связывание» языка, ума), отражало особенность греческой, и в частности афинской судебной системы, в рамках которой любой гражданин должен был уметь защищать себя в суде. Находки подобных наговоров в Пантикапее свидетельствуют о том, что данный вывод можно применить и к Боспорскому государству. Следовательно, судебный процесс на Боспоре сохранял характер ораторского агона, в котором участвовали не только истец и ответчик, но, как уже отмечалось нами, и целые «группы поддержки», состоявшие из синдигов, свидетелей, родственников и друзей.

Таким образом, исследование судебных наговоров позволяет скорректировать некоторые уже устоявшиеся в историографии выводы о правовой культуре спартокидовского Боспора. С учётом сведений, содержащихся в текстах defixiones, малоубедительным выглядит распространённое мнение о бюрократизации боспорского суда, его полном подчинении администрации Спартокидов или даже замене «судом правителя». Наоборот, использование жителями Боспора судебной магии свидетельствует о том, что боспорский суд подчинялся общегреческим нормам судопроизводства, лучше всего известным по деятельности афинской гелизи. Основополагающими принципами судопроизводства на Боспоре, как и в Афинах, были открытость суда и состязательность сторон. Следовательно, вопреки процессу формирования территориальной державы при монархической власти Спартокидов, на Боспоре сохранялись полисные традиции судопроизводства и принципы организации суда.

Примечания

1. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. / Т. В. Блаватская. – М., 1959.
2. Диль Э. В. Ольвийская чаша с наговором / Э. В. Диль // ИАК. – 1915. – Вып. 58.
3. Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями / Е. Г. Кагаров. – Харьков, 1918.
4. Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве / К. М. Колобова // ВДИ. – 1953. – № 4.
5. Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах / Т. В. Кудрявцева. – СПб., 2008.
6. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности / В. В. Латышев. – СПб., 1888.
7. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году / В. В. Латышев // ИАК. – 1902. – Вып. 3.
8. Придик Е. М. Греческие заклятия и амулеты из Южной России / Е. М. Придик // ЖМНП. – 1899. – Декабрь.

9. Ручинская О. А. Право и общество античных городов Северного и Западного Понта / О. А. Ручинская // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков, 1997.
10. Сапрыкин С. Ю., Зинько В. Н. Defixio из Пантикапея / С. Ю. Сапрыкин, В. Н. Зинько // ДБ. – 2003 – Т. 6.
11. Скржинська М. В. Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я / М. В. Скржинська // УІЖ. – 2009. – № 5.
12. Шкорпил В. В. Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии / В. В. Шкорпил // ИАК. – 1908. – Вып. 27.
13. Яйленко В. П. Магические надписи Боспора / В. П. Яйленко // ДБ. – 2005. – Т. 8.
14. Andriolo N. Syndikoi / N. Andriolo // DHA. – 2002. – Vol. 28. – № 2.
15. Audollent A. Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in corpore Inscriptionum Atticarum editas / A. Audollent. – Paris, 1904.
16. Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle / R. J. Bonner, G. Smith. – Vol. 2. – Chicago, 1938.
17. Carey Ch. Legal Space in Classical Athens / Ch. Carey // G&R. – 1994. – Vol. 41. – № 2.
18. Carey Ch. Nomos in Attic Rhetoric and Oratory / Ch. Carey // JHS. – 1996. – Vol. 116.
19. Chapot V. Syndikus / V. Chapot // DAGR. – 1918. – Т. 4. – Vol. 2.
20. Faraone Ch. A. Aeschylus' *ἑμὸν δῖσνιόν* (Eum. 306) and Attic Judicial Curse Tablets / Ch. A. Faraone // JHS. – 1985. – Vol. 105.
21. Faraone Ch. A. The Agonistic Context of Early Greek Binding Spells / Ch. A. Faraone // *Magika Hiera: Ancient Greek Magic and Religion* / Ch. A. Faraone, D. Obbink. – New York; Oxford, 1991.
22. Faraone Ch. A. Curses and social control in the law courts of classical Athens / Ch. A. Faraone // *Dike*. – 1999. – № 2.
23. Gagarin M. The Unity of Greek Law / M. Gagarin // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen. – Cambridge, 2005.
24. Gager J. G. Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World / J. G. Gager. – New York; Oxford, 1992.
25. Jordan D. R. New Greek Curse Tablets (1985–2000) / D. R. Jordan // *GRBS*. – 2000. – Vol. 41.
26. Kahrstedt U. *Syndikus* / U. Kahrstedt // *RE*. – 1932. – Bd. 4.
27. Lanni A. Spectator Sport or Serious Politics? *Ὁ >περιεσθηκότες* and the Athenian Lawcourts / A. Lanni // *JHS*. – 1997. – Vol. 117.
28. Lanni A. Relevance in Athenian Courts / A. Lanni // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen. – Cambridge, 2005.
29. Lanni A. Law and Justice in courts of Classical Athens / A. Lanni. – Cambridge, 2006

30. Rubinstein L. Litigation and Cooperation: Supporting Speakers in the Courts of Classical Athens / L. Rubinstein. – Stuttgart, 2000.
31. Rubinstein L. Differentiated Rhetorical Strategies in the Athenian Courts / L. Rubinstein // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen. – Cambridge, 2005.
32. Sealey R. The justice of the Greeks / R. Sealey. – Ann Arbor, 1994.
33. Thür G. The Role of the Witness in Athenian Law / G. Thür // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen. – Cambridge, 2005.
34. Todd S. C. The Shape of Athenian Law / S. C. Todd. – Oxford, 1993.
35. Todd S. C. Law and Oratory at Athens / S. C. Todd // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen. – Cambridge, 2005.
36. Wunsch R. Defixionum tabellae in Attica regionem repertae (IG. Vol. III, 3. Appendix) / R. Wunsch. – Berlin, 1897.
37. Wunsch R. Neue Fluchtafeln / R. Wunsch // *RhM*. – 1900. – Bd. 55.

УДК 94 (430) „15”

Генеральні візитації в курфюршестві саксонському у другій половині XVI ст.

Каріков С. А.

Каріков С. А. Генеральні візитації в курфюршестві Саксонському у другій половині XVI ст. Статтю присвячено візитаціям у Саксонії після укладення Аугсбурзького релігійного миру. Визначено, що візитації в цей час стали одним з основних заходів контролю світської влади над священнослужителями і віруючими. Генеральні візитації 1555 і 1575 рр. охоплювали широке коло економічних, суспільно-політичних, релігійних питань. Звіти візитаторів вплинули на зміст євангелічних статутів, які зміцнили владу курфюрста в церковних справах.

Ключові слова: візитація, Саксонія, священнослужитель, курфюрст.

Каріков С. А. Генеральные визитации в курфюршестве Саксонском во второй половине XVI в. Статья посвящена визитациям в Саксонии после заключения Аугсбургского религиозного мира. Определено, что визитации в это время стали